

Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'Empire protobyzantin. Paris: ACHCByz, 2002 (Travaux et memoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies. 13). XXXI+296 p.

К XX Конгрессу византинистов Ассоциацией друзей Центра исследований по истории и цивилизации Византии была осуществлена публикация монографии Авшалом Ланьядо, в которой автор вновь обратился к целому ряду давно существующих в историографии проблем, связанных с развитием позднеантичного сословия куриалов. Рецензируемый труд базируется на материале докторской (по европейской шкале ученых степеней) диссертации, принадлежащей к исследованиям так называемого «нового типа» (*nouveau régime*), которая была защищена в Парижском университете в 1995 г.

Монография представляет собой солидный том, включающий десять глав исследовательского материала, сгруппированных в две части, а также индекс названий, имен, терминов и цитированных источников. В первой части работы внимание сконцентрировано на собственно куриалах ранневизантийского периода, которых автор считает муниципальной аристократией позднеантичной эпохи. Часть вторая охватывает материал, относящийся к муниципальной знати в самом широком смысле этого понятия, т.е. и к верхушке курий, и к влиятельным горожанам-некуриалам, которые рассматриваются в социальном плане в качестве исторических преемников декурионов. Строгость структурной дихотомии работы предопределяет весьма схематичную оценку некоторых важных вопросов и проблем, поставленных современной историографией, но с точки зрения перспективы более полного освещения заявленной темы именно такая композиция произведения максимально полно раскрывает важнейшую черту изучаемого объекта – его институциональную двойственность. Через призму этой двойственности автор предлагает понять феномен сосуществования в ранней Византии обоих исследуемых элементов, различных по своему юридическому положению: во-первых, куриалов, представлявших собой традиционный, но отживавший социально-политический институт, и, во-вторых, новую, не куриальную аристократию, сформировавшуюся в византийском городе в V–VII вв. Кроме того, выявленный дуализм и хронологически, и типологически соотносится с известным в историографии фактом неравномерной освещенности ранневизантийскими источниками разновременных городских социальных явлений.

За исключением первой и второй глав, которые касаются проблемы запустения курий в IV–V вв., основное хронологическое поле работы – это VI и первая половина VII в. За исходный временной пункт в исследовании принята реформа, которую, по выражению самого автора, «некоторые литературные источники и современные историки приписывают императору Анастасию» (с. XIII). Конечный момент исследования – арабское завоевание Ближнего Востока в последние годы правления Ираклия. За данный промежуток времени (491–641) империя потеряла два диоцеза – Восток и Египет, – на территории которых в IV–VII вв. обитала наиболее известная по источникам муниципальная знать. Это обстоятельство создало для исследования некоторые трудности, поскольку не дает возможности его автору оценить процесс, который мог бы протекать на утраченных территориях во второй половине VII в. и сделать более полные выводы. Считается, что с конца VII столетия империю охватила обширная дезурбанизация и, кроме того, резко сократилось количество источников с полезной в смысле изучения данной темы информацией¹.

Географические рамки работы – территория восточной части Римской империи, т.е. ранневизантийские префектуры Восток и Иллирик. Такие регионы, как Италия и Африка (прежде всего Египет), служат автору скорее «моментом сравнения», нежели объектом исследования.

Эпиграфика, литературные и особенно папирологические данные распределены по ним весьма неодинаково. К тому же автор зачастую отказывается от данных законодательных источников регионального уровня. Поскольку анализ всех письменных источников оказался

¹ Так считает автор рассматриваемой монографии (с. XIV). Известно, однако, что вопрос о размерах и действительной сущности процесса городского развития в период «темных веков» не решен столь однозначно. См., например: *Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture.* Cambridge (Mass.), 1990; *Гоголев Д.А. Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции.* Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2002.

практически не возможен, А. Ланьядо пришлось отказаться и от критического рассмотрения теологической литературы, экзегетики и гомилетики, а также философских трактатов и прочих научных трудов ранневизантийского периода. Это особенно печально, так как исследование лишилось небольшого, но весьма важного пласта сведений по изучаемому предмету. Компенсацией этого, по признанию самого автора, недостатка его труда служит источниковедческий анализ большой части ранневизантийского папирологического материала и литературных источников, а также эпиграфики. Имеющиеся источниковые лакуны отчасти компенсировались также за счет трех томов «Просопографии поздней Римской империи» и цитирования переводов источников, встречающихся в специальных трудах современных ученых. Наконец, А. Ланьядо воспользовался возможностями, которые предоставляют современные методики компьютерной обработки баз данных. В целом источниковедение занимает весьма значительное место в монографии. Каждый ее параграф состоит из источниковедческого материала не менее, чем наполовину. Зачастую демонстрация данных источников увлекает автора настолько, что он отказывается от выводов по итогам их изучения, ненавязчиво подталкивая читателя к очевидности того, о чем говорится в отобранных им материалах. Столь деликатная манера изложения собственной концепции заставляет быть предельно внимательным при знакомстве с нею с тем, чтобы в следовании за логикой повествования не пропустить важного или, напротив, не присвоить находок, сделанных А. Ланьядо, но отчетливо им не показанных.

Историографическая составляющая работы А. Ланьядо обладает рядом особенностей. Это прежде всего почти полное отсутствие ссылок на труды российских византистов, которые предвосхитили некоторые из собственных «открытий» А. Ланьядо (необходимо отметить в первую очередь имена Г.Л. Курбатова² и Г.Е. Лебедевой³). Отсутствуют в рассматриваемой монографии и указания на мнения некоторых современных зарубежных авторов (в частности Ф. Тинфельда⁴, А. Демандта⁵ и Ж. Дюрлиа⁶). Конечно, наличие или отсутствие в научной работе ссылок на публикации, не самые важные для раскрытия темы, не имеет принципиального значения для выяснения авторской позиции, однако способно охарактеризовать данную работу с точки зрения ее методологической ценности и объективности авторской позиции. Наконец, необходимо отметить в данной монографии такое весьма распространенное в западных специальных исторических произведениях свойство, как отсутствие детального историографического обзора как по всей проблеме в целом, так и по отдельным затронутым вопросам. А. Ланьядо нередко опирается на чужое мнение, иногда оспаривает его, но почти всегда игнорирует необходимость представить весь спектр существующих научных гипотез и скрывает от своего читателя личный опыт их изучения. Как и в случае с источниками, остается лишь догадываться об авторской позиции по целому ряду проблемных вопросов курьезной тематики ранней Византии. Очевидно, что библиографический список из 130 названий, представленный в монографии, мог бы быть значительно расширен, а более внимательное отношение к историографии прибавило бы академической весомости содержанию работы. Впрочем, А. Ланьядо продемонстрировал хорошую осведомленность в проблематике исследуемого им предмета. Он явно знаком с пробелами, существующими в современной картине развития позднеантичной курии, и в своей работе выделяет только основные научные положения, оставляя прочим полное право на существование за пределами книги. Спорить с позицией Ланьядо очень трудно, так как он обезоруживает доказательствами, взятыми непосредственно из источников, к тому же отказываясь от самой возможности дискутировать, считая дискуссию, по-видимому, бесполезной тратой времени. Не формулируя проблемных тезисов, А. Ланьядо по-своему прав, хотя его формальное пренебрежение к общепринятому способу изложения научных взглядов следует все же отнести к числу немногих упущений данной работы. Впрочем, возможно, что такова характерная черта исследований, предпринимаемых в русле упомянутого «нового режима».

² Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971.

³ Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 130–148.

⁴ Tinnfeld F. Die frühbyzantinischen Gesellschaft. Struktur–Gegensätze–Spannungen. München, 1977.

⁵ Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian. 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 374–412.

⁶ Durliat J. Les rentiers de l'impôt. Recherches sur les finances municipales dans la pars orientis au IVE siècle. Wien, 1993.

Научный метод автора монографии заключается в том, что он предложил более внимательно и с разных сторон взглянуть на содержание известных источников, повествующих о куриях и муниципальной жизни вообще в рассматриваемый период византийской истории. Предложение само по себе не ново, но его последовательное воплощение применительно к достаточно узким проблемам неизменно дает впечатляющие по эффективности гносеологические результаты. Например, соглашаясь с постулатом о постепенном обезлюдении ранневизантийской курии, Ланьядо, по-видимому, впервые в историографии рассудительно взглянул на составляющие этого явления. Ему удалось выяснить, что основным направлением бегства куриалов был провинциальный клир (с. 7)⁷, а также то, что, вопреки распространенному мнению, ранневизантийское законодательство о куриях не было противоречивым, но страдало отсутствием глубокого осознания задачи куриальной политики и комплексного подхода к их решению (с. 9 и сл.). Курии, сами озабоченные уходом своих членов (с. 15), следили за выполнением соответствующих имперских законов (с. 22–24), так что куриалы, пожелавшие покинуть родину, могли использовать для этого только неучтенные законодательством лазейки в виде патронажа со стороны влиятельных лиц из государственной администрации (с. 9–10). Коснувшись далее такой проблемы, как куриальное имущество, А. Ланьядо не рассматривает всю относящуюся к ней тематику, а поднимает совершенно необычный для историографии вопрос о передаче куриального имущества женщинам (с. 24). Последние, как обладательницы куриального состояния, должны были выполнять куриальные повинности наравне с куриалами-мужчинами и, таким образом, фактически пополняли численный состав курий.

Этот применяемый внове «выборочно-углубленный» метод исследования не привел А. Ланьядо к исправлению традиционных общих выводов об основных этапах и характере эволюции позднеантичного города: на страницах монографии они либо подтверждаются (как, например, выводы о постепенности упадка курий в течение IV–VII вв. и об их сохранности в то же самое время), либо обходятся молчанием (например, современные представления о причинах запустения курий). Вместе с тем пристальное внимание автора рецензируемого труда к нерешенным еще до конца вопросам куриальной тематики результативалось в оригинальные и весьма обоснованные версии, дающие основание для производства новых общих выводов и потому имеющие самостоятельное научное звучание. Так, благодаря скрупулезному анализу ранее не привлекавшихся в таком контексте данных или пересмотру содержания известных источников автор по-новому оценил куриальную политику императоров Анастасия I и Юстиниана I. Общеизвестное положение о том, что ранневизантийское государство наращивало свое присутствие в куриях, которые в конце концов оказались придатком государственной налоговой системы, А. Ланьядо существенно развил, показав, что императоры V–VI вв. интересовались не столько сохранением сословия куриалов, сколько имущественной и финансовой состоятельностью городов, которые считались и опорными пунктами античных политических традиций, и важнейшими звеньями позднеантичной системы управления (с. 37–62). В целом, не ставя в своем исследовании цели переосмыслить все основные проблемы позднеантичной курии, А. Ланьядо тем не менее коснулся многих из них, пока на протяжении первых трех глав последовательно подводил повествование к основной теме монографии – муниципальной знати раннесредневекового типа.

Новая, некуриальная, муниципальная знать, по мнению автора, формировалась тоже постепенно и даже как бы исподволь, т.е. вопреки античному представлению о знатности горожанина-куриала. Сами куриалы способствовали изменению прежнего античного имиджа знатного горожанина, стремясь не к сохранению и увеличению недвижимого имущества и куриальных привилегий, а к приобретению громких почетных титулов, которые уравнивали их с обладателями реальной власти в городе и провинции (с. 75). Понижение социального статуса декурионата способствовало возникновению и укреплению городской знати нового типа – знати не куриальной, но городской (Ланьядо разделяет эти два понятия). Чтобы еще точнее детерминировать формирующийся муниципальный нобилитет исторически, можно было бы назвать его провинциальной раннефеодальной аристократией⁸. Эта нарож-

⁷ Ср.: Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 68–69; Чекалова А.А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 20–35.

⁸ Курбатов Г.Л. Основные проблемы... Ук. соч. С. 158. См. также: Yannopoulos P. A. La société profane dans VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain, 1975. P. 22–24.

дающаяся знать нового типа, не обремененная грузом античных полисных стереотипов и повинностей в пользу городской общины и государства, расширяла свое присутствие в городах за счет куриалов, ускоряя тем самым упадок курий. Куриалы вытеснялись из сферы городского управления и финансов (с. 98–101), в то время как верховная власть пыталась закрепить за ними, как прежде за куриалами, ответственность в сфере налогообложения (с. 110). Процесс социального обновления верхушки городов отчетливо прослеживается при анализе муниципальной терминологии. Выявленная А. Ланьядо тенденция к упрощению и унификации терминов, описывающих «знатность», подтверждает существование процесса замещения куриалов новой муниципальной знатью. К концу ранневизантийского периода все основные термины, соответствовавшие понятию «знатный горожанин», сосредоточились на подчеркивании богатства (*possessores, titores, habitatores*) и титулованности (*primates, honorati*) (с. 176). Куриалы могли входить в число нобилей, но лишь отчасти. Большая же их часть, сосредоточенная в куриальных советах, утратила и реальную административную власть, и престиж привилегированного сословия. Более того, города, чтобы приподняться в иерархии провинциальных населенных пунктов, стремились заполучить на муниципальную должность или просто в качестве жителя какого-нибудь бывшего крупного дигнитария или столичного сенатора, которые своим присутствием в городе повышали его престиж и укрепляли связь с центром (с. 148–149).

А. Ланьядо уклонился от выяснения такого важного вопроса, как устойчивость сословия муниципальной знати. Впрочем, он и не оспаривает известную гипотезу о том, что господствующий слой в VII–IX вв. был крайне нестабильным и открытым как для вхождения в него, так и для выхода из его состава⁹. По Ланьядо, сформировавшаяся в VII в. новая муниципальная знать должна была обладать всеми отличительными признаками имперской знати того времени (с. 149–153), а значит, вслед за ней приобрести и свойства текучести; автор, однако, не склонен преувеличивать возможности пополнения состава новой муниципальной знати из нижестоящих сословий.

Гораздо большее внимание А. Ланьядо уделил работе по выявлению факторов муниципальной знатности. Их оказалось три¹⁰. Несмотря на низкое происхождение большинства знатных *homines novi*, родовитость продолжала считаться важным, хотя и не главным признаком нобилитета. Родовитым признавали того, кто мог похвастать известными предками в трех поколениях (с. 134). Неизмеримо важнее аристократичности было богатство. Новая знать не различала источников богатства, но его величина была вполне определенной. По подсчетам Ланьядо, минимального годового дохода представителя городской знати должно было доставать для оплаты хотя бы части одной из почетных столичных магистратур (минимум претуры) (с. 159). Доход большинства нобилей оценивался в 40–300 фунтов серебра в год (с. 157–159). Третьей составной муниципальной знатности было достоинство (*la dignité*), под которым следует понимать общественный авторитет, приобретенный в результате отправления определенной государственной должности (с. 160). Разумеется, все высшие дигнитарии принадлежали к имперской, а не к провинциальной элите, но носители почетных высоких титулов («достоинств», по позднеримской терминологии), званий зачастую оказывались в составе муниципальной знати (с. 164–166). Таким образом, А. Ланьядо к концу восьмой главы определил содержание используемого им понятия «знать» (*les notables*), которое, будучи примененным вместе с социальным или историко-географическим определением, обычно вызывает дискуссии о его сущности даже тогда, когда получает более четкую авторскую дефиницию¹¹.

Последние две главы сочинения А. Ланьядо посвящены действительно малоисследованным проблемам истории ранневизантийского города. В рамках институционального подхода автор рассмотрел такие муниципальные феномены, как хронологически более ранние *principales* и более поздний совет городской знати (*conseil des notables*). Куриальных принципалов отличала сословная замкнутость, предполагавшая ограниченный в количественном отношении резерв претендентов на это звание (с. 206). Но упадок статуса куриала и формирование новой провинциальной элиты развили в институте принципалов гетеро-

⁹ Каждан А.П., Чичуров И.С. О структуре византийского общества VII–IX вв. // Византийские очерки. М., 1977. С. 136.

¹⁰ Ср.: Yannopoulos P.A. Op. cit. P. 20–25; Чекалова А.А. Представления о знатности в Византии IV – первой половине V в. // ВВ. 1990. Т. 51. С. 32–44.

¹¹ См., например: Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 15–26.

генность, не свойственную античной социальной системе. Новая муниципальная знать структурировалась в виде советов знати, которые заменили прежние куриальные советы точно так же, как нотабли заменили декурионов. Перерождение куриальных советов происходило тоже постепенно: сначала в нем формировалось ядро из «мощных», затем эти *potentiores* прибирали к рукам все важнейшие муниципальные должности и функции, а после этого имперское правительство признавало их за главных в городе (с. 214–215). Совет знати, как прежде принцепалы, подчинял себе прочих горожан. Благодаря влиянию входивших в него членов он оказывал воздействие на всю провинциальную жизнь (с. 226, 241). Состав и количество участников советов знати были величинами непостоянными, но неизменно в них входил городской епископ (с. 228).

Возникновение новой муниципальной знати и официальное признание ее в качестве политической силы Византийской империи во второй половине VI – начале VII в. Ланьядо считает своеобразной реформой муниципального управления, на проведение которой имперское правительство было вынуждено пойти под влиянием объективной необходимости (с. 249). Заметив, что императорская власть от этой вынужденной реформы в конечном счете проиграла, автор рецензируемого сочинения по сути дела признает, что в VII в. Византийское государство начинает перерождаться в государство раннефеодальное, с характерными для него административными формами и принципами. Но основной вывод работы, однако, другой. А. Ланьядо не заглядывает в будущее Византии, а констатирует итоги первого периода ее истории. Они состоят в том, что императорская власть сумела в IV–VI вв. создать городу условия для поступательного непрерывного развития, которое превратило его из позднеантичной общины в раннесредневековый административный и политический центр. Город VII в. обладал большой самостоятельностью, которой дорожила и которую лелеяла муниципальная знать, но городская верхушка избегала полной автономии, предпочитая сохранять своеобразный административно-политический паритет, установившийся в отношениях с центральной властью. Многие в этом ранневизантийском городе осталось от прежней общины, все процессы обновления или трансформации протекали крайне медленно, так что возникает даже подозрение в некоторой преувеличенности автором глубины социальных перемен в нем. Но антикваризм фасада муниципальной жизни был искусственным и во многом поддерживался самой новой муниципальной знатью, которая выросла в среде позднеантичных социально-политических традиций и рудиментов атмосферы и не собиралась менять состав столь комфортной для себя атмосферы. Ланьядо, таким образом, засвидетельствовал континуитет во всех областях общественно-политической жизни ранневизантийского города.

В монографии А. Ланьядо не нашли места многие нерешенные проблемы ранневизантийской урбанистики¹². Однако нужно учитывать то обстоятельство, что тема его работы достаточно узка для того, чтобы выделять особое место вопросам, каждый из которых требует специального исследования. Автор разбираемой монографии мимоходом коснулся многих из них, например, проблематики городского имущества, взаимоотношений города с церковью и центральным правительством и ряда других. Собственно, отличительным признаком публикаций «нового типа» как раз и является сосредоточенность на конкретно-исторических темах и отказ от производства обобщающих выводов. Тема, избранная А. Ланьядо для исследования, прежде столь ярко нигде не освещалась. И ее сфокусированность на небольшом числе объектов исследования, приложение огромного труда дали в совокупности неплохие научные результаты.

Благодаря наличию узконаправленных экскурсов по истории ранневизантийского города, фундаментальных обширных источниковедческим материалом, монография А. Ланьядо представляется благоприятным полем для детального критического разбора, но в то же самое время создает и определенные трудности для его осуществления, поскольку в рамках краткой журнальной рецензии сделать его всеобъемлющим невозможно. Концепция же, изложенная в рассматриваемом сочинении, при всей ее оригинальности весьма проста, не идет вразрез с распространенными в науке представлениями о развитии ранневизантийского общества и потому в развернутой критике не нуждается. Для того чтобы продемонстрировать качество рецензируемой работы, кажется, достаточным сосредоточить критические замечания на одном–двух из наиболее ярких ее сюжетов.

¹² Перечень их см.: *Курбатов Г.Л.* К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // *ВВ.* 1994. Т. 55. С. 69–74.

По-видимому, А. Ланьядо посвятил некоторым моментам истории ранневизантийской курии несколько больше места, нежели этого требовала тема его сочинения. Пример тому – куриальная политика императоров Анастасия и Юстиниана (соответственно главы II и III), хотя нужно признать, что эта тема привлекает к себе внимание специалистов, так как до конца не раскрыта, несмотря на усилия последних лет¹³. При рассмотрении политики в отношении курий Анастасия I Ланьядо совершенно обоснованно, на наш взгляд, попытался разрешить проблему противоречия источников. Он выделил три основных мнения о реформе Анастасия, содержащихся в литературных источниках V–VI вв. К сожалению, автор не обратил внимания на единственную, но весьма важную положительную оценку, имеющуюся у Присциана, и вынужден был «оправдываться» перед императором Анастасием за весь тот негатив, в свете которого представила его административно-финансовые мероприятия современная им литература. А. Ланьядо обстоятельно разобрался с тем, что принесла куриальная и финансовая политика Анастасия I городам империи (с. 35–40), и выяснил, что причины для недовольства ею могли быть только у декурионов (с. 41–45). В вопросе о виндиках А. Ланьядо в общих чертах изложил концепцию А. Шаво¹⁴, дополнив ее некоторыми частными соображениями и дополнительными сведениями (с. 30–35). Поместив реформу императора Анастасия в контекст ранневизантийской куриальной политики, автор не только доказал, что она явилась закономерным итогом многовековой деятельности императорского правительства в данной сфере, но и показал, что Анастасий принципиально ничего не изменил в положении ранневизантийской курии. Заслуга Анастасия I заключалась в том, что он подошел к городской проблематике более вдумчиво, чем его предшественники. Сюжет о куриях в правление Анастасия выписан на высоком профессиональном уровне, хотя, как представляется, его можно было бы довести до совершенства, коль скоро автор вознамерился изучить его специально. Здесь А. Ланьядо оставил открытыми ряд вопросов, касающихся института виндиков (например, каков был повод его учреждения и в чем причины его исчезновения); он далее не взглянул на куриальные мероприятия Анастасия в контексте всего правления этого императора, который прославился последовательностью в осуществлении внутренней политики. Наконец, автор не указал на общие недостатки мероприятий Анастасия I в отношении курий. Последнее не позволило полнее раскрыть тему куриальной политики Юстиниана, которой в рецензируемой монографии также уделена значительная доля исследовательского внимания (с. 47–62).

Таким образом, труд А. Ланьядо нельзя оценить однозначно. Само по себе появление специальной публикации на столь интересную тему – замечательное событие в научной жизни. Оценки и выводы по частным вопросам ранневизантийской истории, содержащиеся в монографии А. Ланьядо, привлекут внимание коллег, изучающих социальные, политические и экономические учреждения и явления поздней Римской империи и ранней Византии. Несомненно, автором сделаны заметные шаги сразу по нескольким направлениям византиноведения. Но тем, кто будет обращаться к труду А. Ланьядо за консультацией или помощью, необходимо заручиться терпением и внимательностью, которых он заслуживает и благодаря своим достоинствам, и в силу некоторых (упомянутых выше) упущений.

В.В. Серов

Métivier S. La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient. Paris, 2005 (Byzantina Sorbonensia, 22). 496 p.

Комплексное изучение регионов Византийской империи в различные периоды ее истории представляет, на наш взгляд, одно из наиболее перспективных направлений современного византиноведения. Не секрет, что одни из них (например, Египет) изучены достаточно хорошо, благодаря множеству разнообразных источников, но другие, без преувеличения, до сих

¹³ См., например: Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // ВВ. 2001. Т. 60. С. 46–55.

¹⁴ Chauvot A. Curiales et paysans en Orient à la fin du Ve et au début du VIe siècle: note sur l'institution du *vindex* // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistiques et romaines. Strasbourg, 1985. P. 271–281.